

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд.3-е, стереотипное - М.: КомКнига, 2005. – 576 с.
2. Почепцов Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложения. – Киев: Выща школа, 2001. – 193 с.
3. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М., 1987. – 284 с.
4. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1996 – 188 с.
5. Bryant, M.M. Functional English Grammar. L, 2003. – 326p.
6. Jespersen, O. Essentials of English Grammar, L., 1994. – 400p.
7. Kruisinge, E. A Handbook of Present-Day English. Part 2, vol.2. L; 1991. – 246p.
8. Brontë, E. Wuthering Heights.-London, 1994
9. Galsworthy, J. In Chancery -Moscow,1964
10. Maugham, W.S. The Painted Veil.-M., 2004
11. Huxley, A. Point Counter Point.-L., 2003
12. Thackeray, W.M. Vanity Fair.-London, 2007
13. Shaw, J.B. Major Barbara -London, 1996
14. Aldington, R. Death of a Hero.-London,2005
15. Cronin, A.J The Stars Look Down.-M., 2002
16. Joyce, J. Ulysses.-L., 1983

Е.Н. Михайлова  
г. Белгород, Россия

### ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИИ В ОПИСАНИИ НАРЕЧИЯ ВО ФРАНЦУЗСКИХ ГРАММАТИКАХ XVI ВЕКА

Эпоху Возрождения по праву называют важнейшим поворотным моментом в истории языкознания, поскольку именно в это время закладывались и утверждались основы европейских национальных лингвистических традиций и зарождались новые подходы к осмыслению и описанию языков мира. Во Франции, которая включилась в процесс массовой грамматизации в начале XVI в., к концу столетия было создано немало работ, отличавшихся оригинальным подходом к решению ключевых проблем знания о языке. Основой феномена грамматизации для французского языка, как и для других западноевропейских языков в то время стал латинский извод канонической модели, названный С.Ору «латинской грамматикой предельно широкого диапазона», или «Большой Латинской Грамматикой» (*Grammaire Latine Etendue*) [Augoux 1992: 18-19]. При осмыслении строя родного языка французским гуманистам пришлось столкнуться с комплексом проблем, решение которых потребовало кардинального пересмотра традиционных принципов грамматического описания. С одной стороны, речь идет о невозможности механического переноса положений канона, сформулированных применительно к флективному языку, каким был латинский, на описание языка с аналитической системой, каким к тому времени стал французский. С другой стороны, постулаты канона и незыблемые доселе догмы античной и средневековой научной мысли уже не отвечали новым принципам поиска истины, которыми руководствовались гуманисты при создании грамматик живых языков.

Одним из примеров того, как происходил пересмотр постулатов греко-латинского канона, дает наречный класс слов, трактовка которого во французских грамматиках XVI в. имеет намного больше разночтений, чем при описании других частей речи. Эти разночтения продиктованы, с одной стороны, стремлением гуманистов сохранить значимые применительно к «парадигме» традиционной грамматики единицы, с другой стороны, – пониманием того, что во французском языке наречная парадигма представлена иначе, чем в латинском. Рассмотрим, какой круг проблем решался авторами первых французских грамматик в связи с осмыслением феномена наречия, какова была степень воздействия канона на выработку принципов описания

наречного класса слов, в чем состояли различия в интерпретации вопросов, связанных с описанием наречной парадигмы, чем они были обусловлены.

По свидетельству многих лингвистов, наречие является тем классом слов, при описании которого неизменно встречаются трудности, касающиеся выделения данной части речи и ее дефиниции [Kargevskij 1936; Nølke 1993; Wilmet 1997; Гак 2000]. По яркому выражению П. Лафона, в истории грамматики наречие изначально представляло собой своего рода «свалочное место» для всех неизменяемых слов [Lafont 1967: 77]. В истории лингвистической мысли имеется немало примеров, показывающих прозрачность и подвижность границы наречий, что обусловлено природой данной части речи, к отличительным признакам которой относятся исключительная пестрота строения, «мозаичность» значения, широта его синтаксических возможностей, зыбкость и текучесть границ, связанная с постоянной адвербиализацией различных классов слов.

Сложная природа наречия стала одной из причин неоднозначных подходов к его описанию и в первых французских грамматиках. Применительно к XVI в. эта проблема осложнялась еще и тем, что парадигма наречия в то время продолжала эволюционировать, будучи частью общего для французского языка процесса становления аналитизма в грамматике, что неизбежно привело к высокому уровню вариативности на этом уровне языковой системы.

Между тем природа языка-объекта грамматического описания не была единственной причиной, обусловившей трансформацию постулатов канона. В определенной мере многообразие подходов к описанию наречия в ренессансных грамматиках французского языка было связано с тем, что «Большая Латинская Грамматика», положенная в основу описания французского языка, в отношении наречного класса слов не отличалась однозначностью критериев его выделения и столь жесткой структурной организацией, как при описании таких частей речи, как имя или глагол. В латинской грамматике Элия Доната, взятой за образец при создании многих описаний французского языка, класс наречий представлен достаточно расплывчато. Донаг пишет о наречии как о части речи, присоединяемой к глаголу и дополняющей или уточняющей его значение [Ars Donati 1981: 9]. В числе признаков (акциденций) наречия он выделяет значение (*significatio*), сравнение (*comparatio*), фигуру (*figura*), описание которых ограничивается слишком краткими правилами и относительно небольшим перечнем примеров. Описание наречного класса слов исчерпывается у него вопросами морфологии, синтаксис же остается за рамками грамматического анализа.

Вслед за Донатом французские грамматисты начинают описание наречия с его определения. Прослеживается зависимость его формулировки от типологии грамматик: в практических руководствах по языку преимущественно воссоздается каноническое определение Доната – либо дословное, либо с небольшими уточнениями (Ш.Этьен, Ж.Гарнье, Ф.Гарнье); в объяснительных грамматиках, как правило, авторы предпринимают попытку сформулировать собственное определение для данной части речи, включив в него как можно большее число дифференциальных признаков (Л.Мегре, Р.Этьен, П.де ла Раме, А.Коши, Ш.Мопа). Примечательно, что в отдельных грамматиках XVI в. определение для наречия отсутствует. В частности, нет его в грамматиках Ж.Дюбуа (1531) и Ж.Массе (1606), в которых описание наречия начинается с презентации его признаков (акциденций) и ограничивается их классификацией по значению (*significatio*).

Наиболее интересными с точки зрения расширения традиционного подхода к решению проблемы наречия являются дефиниции Л. Мегре, П. де ла Раме. В трактате Л. Мегре (1550) наречия определяются как слова, осуществляющие любое управление глагола, на этом основании к данному классу слов грамматист относит как собственно наречия, так и причастия в связи с тем, что они имеют много общего в значении (*comme qui a la même signification*) [Meigret 1550: 48]. Как видим, Мегре исходит из этимологии термина *adverbium*, уточняя его в деталях применительно к особенностям французского узуса.

Определение наречия, данное Рамусом (1572), принципиально отличается от определений, получивших отражение в других грамматиках XVI в., что обусловлено оригинальной концепцией частей речи, представленной им во всех написанных им грамматиках – латинского, французского и греческого языков. Оригинальность этой концепции обусловлена

в немалой степени тем, что Рамус был главой философского скептицизма в эпоху великих перемен, происходивших в то время в сфере познания. В основе его теории частей речи лежит идея о том, что категория числа выступает в качестве ведущей единицы при категоризации мира языка. Поэтому классификацию слов по частям речи он проводит на основании того, обладает или нет тот или иной класс слов данной категорией. Так, имя для него – это «слово с числом и родом» [Ramus 1572: 67], глагол – «слово с числом, временем и лицом» [Ramus 1572: 87], а наречие – «слово без числа, которое кроме своего основного значения не имеет никакого числа» [Ramus 1572: 116]. В результате такого подхода в класс наречий у Рамуса оказались включенными наряду с собственно наречиями также междометия, союзы и предлоги, т.е. все неизменяемые части речи.

Признавая безусловную оригинальность концепции Рамуса в отношении деления слов по частям речи, нельзя не заметить определенного сходства между ней и концепцией Варрона, предлагавшего рассматривать в качестве ведущих критериев при классификации слов по частям речи падеж и время. Как отмечал знаменитый античный филолог, в отличие от имени, глагола и причастия, которые этими признаками обладают частично (имя, глагол) или полностью (причастие), наречие их лишено [Варрон 1996: 105-106]. В концепции Рамуса сохраняется категория времени, а вместо категории падежа используется категория числа. В известной мере такое решение объясняется философскими воззрениями ученого, пытавшегося найти универсальные признаки для систематизации явлений природы и языка. Кроме того, Рамус был известен в Европе как блестящий математик, поэтому именно число, а не другие признаки стало для него своего рода мерой всех вещей.

Стремление понять природу наречия привело гуманистов к необходимости решения вопроса о границах данной части речи. Анализ ренессансных грамматик французского языка показывает, что в них отсутствует единый репертуар классов слов, относимых к наречию. Авторы французских грамматик значительно расширили наречную парадигму за счет других классов слов, которые сохраняли свое место в системе грамматического описания и как самостоятельные части речи. К их числу относятся междометие (*hé, heu, jau, heus, hola, haula, etc.*), предлог (*a, par, en, de, avec, vers, etc.*), причастие (*ioignant, tenant*), артикль (*du, des, au, aux, aus*), существительное (*soer, matin*), местоимение с предлогом (*avec moy, avec toy, avec luy, l'un d'avec l'autre*). Кроме того, в ряде работ в рамках наречной парадигмы представлены разного рода словосочетания (*par ma foi, a l'ancienne mode, a la Françoëze, a plus de fois, vive le Roy*). Многообразие форм, получившее отражение в ренессансных грамматиках в рамках наречной парадигмы, свидетельствует о том, что проблема классификации слов по частям речи решалась гуманистами как часть глобальной проблемы слова: с одной стороны, слова, наделенного определенным репертуаром значений и признаков, с другой стороны, слова цельнооформленного или раздельнооформленного. Своеобразным подтверждением последнему положению служит вариативность орфографии сложных наречных форм, получивших свое отражение в текстах грамматик: *tresbien, trepeu, tré-peu, tré-mal, de tous-iours, au point duiour*. Слитное, раздельное или дефисное написание наречий говорит о стремлении гуманистов сообразовать членение семантико-синтаксического целого с принципами описания классов слов, принятыми в «Большой Латинской Грамматике», ядром частеречного анализа которой было именно цельнооформленное слово.

Наибольшее число разночтений в описании класса наречий обнаруживается при обращении к категориальному уровню анализа. Ренессансная традиция внесла существенные коррективы в канонический набор признаков для наречия, который был представлен акциденциями значения (*significatio*), сравнения (*comparatio*), фигуры (*figura*). К числу принципиальных изменений, внесенных в канон грамматического описания, относятся: 1) девальвация статуса традиционных категориальных признаков наречия, 2) расширение их репертуара, 3) изменение соотношения между ними (часть вместо целого, горизонталь вместо вертикали). В итоге вместо трех акциденций наречная парадигма получила описание с помощью таких признаков, как вид (*espèce*), качество (*qualité*), фигура (*figure*), сравнение (*comparaison*), значение (*signification*), деривация (*dérivation*), употребление / присоединение (*emploi, adjonction*). Эти признаки позволяли авторам французских грамматик достаточно полно

описывать характерные для класса наречий особенности семантики (значение, сравнение), формообразования (вид, качество, фигура, деривация) и функционирования (употребление / присоединение).

Детальное описание разнообразных значений наречия представлено в объяснительных грамматиках, авторы которых вслед за авторитетами античности выделяли от одного до трех десятков семантических типов или «разновидностей» наречий. Центром этой системы были время, место, качество, количество, периферия была представлена такими значениями, как вопрос, ответ, утверждение, отрицание, запрещение, клятва, указание, противоречие, повтор, согласие, указание, сомнение, ликование и др.

Особое место в репертуаре значений занимает сравнение (*comparatio*), которое рассматривается применительно к наречиям либо как самостоятельный признак, либо как одно из значений (*significatio*) наречия. Первым французским автором, в работе которого мы находим нарушение категориальной иерархии наречных признаков, связанное с девальвацией статуса сравнения, является Ж.Пилло (1550), аналогичная структура наречной парадигмы представлена в самой авторитетной грамматике XVI в. – у Р.Этьена (1556) и в последней грамматике, отразившей дух ренессансной эпохи, – у Ш.Моца (1607).

Еще одним способом изменения постулатов канона в описании данного признака, является вынесение его за рамки наречной парадигмы. В результате этого сравнение наречий получило освещение либо вместе с категорией сравнения прилагательных в рамках имени как части речи (Ж.Пилло, Ф.Гарнье), либо было вынесено, как у Рамуса, в раздел синтаксиса, что было обусловлено спецификой образования степеней сравнения наречий, использовавших для этого преимущественно аналитическую модель (*plus volontiers, tresbien, tresmal, plus saignement, moins discretement, etc.*). Таким образом, природа языка-объекта грамматического описания вынуждала гуманистов обращаться при описании наречия к двум ключевым понятиям античной грамматики – «слову» и «конструкции» (*constructio*).

Не меньше разночтений в грамматиках XVI в. обнаруживается при обращении к трактовке гуманистами вопросов образования наречий, получивших освещение через такие признаки, как вид, качество, фигура, деривация. Как видим, вместо канонической категории фигуры, позволявшей выделять простые и составные наречия (*hier, deuant hier*), гуманисты наполнили парадигму наречия новым признаком, каким была деривация, и ввели вид и качество, традиционно использовавшиеся для описания таких знаменательных частей речи, как имя и глагол. Изначально за акциденцией вида стояло два типа значений: деление слов на первичные и производные (что в определенной мере сближало ее с традиционной акциденцией фигуры и давало возможность обратиться в вопросам деривации) и деление по значению (что сближало ее с традиционной категорией качества). Это многообразие решений проблемы образования наречных форм в рамках ренессансной традиции свидетельствует о поиске гуманистами адекватной схемы описания явлений языковой реальности, данных через непосредственное наблюдение над узусом.

Совершенно новым элементом для канонической схемы описания наречной парадигмы стало употребление / присоединение – признак, который был введен гуманистами для того, чтобы показать сочетательные возможности наречий с глаголами и другими частями речи: именем существительным, прилагательным, артиклем, предлогами и самими наречиями. В грамматиках XVI в. он представляет собой яркий пример лакуны в грамматической терминосистеме, поскольку не имеет терминологического статуса и у разных авторов вербализуется по-разному: *l'emploi, il est employé, il est adjoin, il se joint, etc.* В определенной мере за этим новым признаком стоит все та же акциденция фигуры, дающая возможность показать многообразие способов образования наречных форм. В то же время за этим нововведением отчетливо прослеживается стремление гуманистов вывести анализ частей речи за рамки понятий «слово» и «конструкция» и показать его возможности в рамках предложения.

Обращает на себя внимание то, что представлен данный признак был далеко не у всех авторов и не для всех типов наречий. В частности, в грамматиках Л. Мегре и Р. Этьена об употреблении / присоединении речь идет при описании наречий со значением времени. Так, у Мегре отмечается, что такие наречия, как *hier, matin, soir* могут сочетаться лишь с теми

глагольными формами, которые имеют то же время, как, например: *je boę maintenant, je bús hier, je burey demain* [Meigret 1550: 49]. У Р. Этьена представлен более развернутый перечень примеров, показывающих, каким образом значение времени реализуется в отдельных формах: «*Present, comme Hores, Maintenant, Presentement. Temps passé, comme Jadis, Pieca, Hier, l'Autre hier, Aufoir, Ia, Nagueres, Auparavant. Temps futur, Demain, Apres demain*» [Estienne 1556: 86]. Эти примеры показывают, что описание наречного класса слов выстраивается не столько вокруг понятия «слово», сколько вокруг понятия «конструкция», т.е. отражает понимание авторами ренессансных грамматик аналитической природы французского языка.

Итак, анализ воззрений гуманистов на природу наречия позволяет заключить, что разночтения в интерпретации данного класса слов в период зарождения французской национальной грамматической традиции обусловлены совокупностью причин. Прежде всего это связано с тем, что каноническая модель в отношении парадигмы наречия не была столь жестко регламентирована, как в отношении таких частей речи, как имя и глагол. Кроме того, узус, данный гуманистам в непосредственном наблюдении, отличался в то время широкой вариативностью форм, что также затрудняло процесс классификации и категоризации наречий как части общей системы языка. Наконец, субъективное восприятие действительности, обусловленное философскими, прагматическими и другими факторами, определило специфику восприятия, осмысления и репрезентации класса наречий, что получило отражение в многочисленных для ренессансной традиции оригинальных авторских парадигмах. В результате пересмотра положений канона гуманисты вынуждены были по-новому подойти к решению вопроса о сущности слова, обратить внимание на необходимость освещения вопросов синтаксиса, переосмыслить традиционные постулаты теории частей речи, в особенности того, что было связано с осознанием ими аналитической природы французского языка.

#### Литература

1. Варрон Марк Теренций. О латинском языке // Античные теории языка и стиля. – СПб.: Алетейя, 1996. – С. 104-110.
2. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
3. *Ars Donati grammatici* // Holtz L. *Donat et la tradition de l'enseignement de la grammaire*. – Paris : Ed. SNRS, 1981. – Pp. 585-650.
4. Auroux S. (dir.). *Histoire des idées linguistiques : Le developpement de la grammaire occidentale*. – Liège : Mardaga, 1992. – 512 p.
5. Estienne Robert. *Traicté de la Grâmaire francoise*. – Paris : Chez R.Estienne, 1556. – 128 p.
6. Karcevskij S. *Sur la nature de l'adverbe* // *Travaux du Cercle linguistique de Prague*. – Prague, 1936. – Vol. XVIII. – Pp. 107-111.
7. Lafont P. *La phrase occitane*. – Paris : Flammarion, 1967. – 235 p.
8. Meigret Louis. *Treттé de la gramęre françoęze*. – Paris : Chez Ch. Wechel, 1550. – 172 p.
9. Nølke H. *Les adverbes français. Essais de description fonctionnelle*. – Copenhague : Nordisk forl., 1993. – 356 p.
10. Ramée Pierre de la. *Grammaire*. – Paris : Chez D. Du Val, 1572. – 232 p.
11. Wilmet M. *Grammaire critique de français*. – Louvain-la-Neuve, 1997. – 547 p.

Г.Н. Острикова  
г. Ростов-на-Дону, Россия

#### О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЭНАНТИОСЕМИЧНОЙ ЛЕКСИКИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Сложность понятия энантиосемии, которое рассматривается в данной работе как явление, совмещающее в себе признаки двух лексико-семантических категорий – полисемии и антонимии, определяет и сложный, многоступенчатый характер анализа внутренней структуры значений энантиосемичных слов. При выявлении энантиосемии на конкретном языковом